

Дара Вейн

Пуговица без слова

Дара Вейн

Пуговица без слова

«Автор»

2026

Вейн Д.

Пуговица без слова / Д. Вейн — «Автор», 2026

Петербург, сентябрь. На пустыре за гаражами находят задушенного мужчину — в его руке зажата синяя пуговица с выгравированным словом «Вина». Капитан Марина Костина идёт по следу: пропофол, рыболовная леска, стоматологическая бормашина — каждый шаг приближает её к убийце и каждый шаг — ловушка. Когда подозреваемый сам становится жертвой, Марина понимает: она читает не улики, а письмо. Письмо человека, который потерял мать и решил, что виноваты все, кто не удержал её рядом.

© Вейн Д., 2026

© Автор, 2026

Дара Вейн

Пуговица без слова

Глава 1. Пуговица

Дождь в Петербурге в середине сентября — не ливень и не морось, а что-то среднее: он не шумит, но пропитывает всё насквозь. Капли повисают на проводах, набухают и падают на гранитные парапеты набережных с тихим, методичным терпением. Так падают слова в разговоре, который никто не хочет продолжать.

Капитан Марина Костина стояла под козырьком автобусной остановки на Садовой и смотрела, как патрульная машина медленно огибает Повседневный канал. Синие огни мигали отражениями в мокром асфальте, и от этого казалось, что асфальт дышит.

— Марин, поехали, — окликнул её Северов. — Экипаж уже на месте.

Она кивнула, не отрывая глаз от дороги. Сергей Северов — старший лейтенант, второй человек в их отделе — стоял рядом, держа над собой зонт, который явно был куплен в ларьке у Московского вокзала: рёбра торчали, как рёбра у голодной собаки. Марина отказалась от зонта. Она терпеть не могла вещи, которые мешают рукам.

Машина тронулась. Северов вёл, Марина сидела справа, и между ними молчание было привычным, как старая перчатка.

— Что у нас? — спросила она.

— Пустырь за гаражами на Софийской. Мужчина, лет сорока-пяти. Сосед шёл собаку выгуливать — нашёл.

— Как нашёл?

— Лежал на земле, лицом вниз. Собака начала копать. Сосед оттащил, увидел... — Северов помолчал. — Увидел, и звонить начал.

Марина поняла по его тону, что он не договорил. Северов умел держать лицо, но когда действительно было плохо, он начинал говорить короче. Сейчас он говорил коротко.

— Оружие?

— Не похоже. Сосед сказал — без крови. Ну, почти.

Пустырь за гаражами на Софийской был именно таким, каким Марина его себе представляла: бурьян по колено, бетонные блоки, брошенные кем-то лет десять назад, и узкая тропинка, протоптанная собачниками. Вдоль тропинки — гаражи, ржавые, с облупившейся краской, похожие на ряды гробов в плохом кино. За гаражами, если встать на цыпочки, виднелись крыши складов и верхушки кранов портовых, неподвижных, как доисторические птицы.

Место преступления было оцеплено. Двое патрульных стояли с фонарями, хотя было только семь вечера — но небо висело низко, серое, как внутренность старой подушки, и света почти не давало.

Марина прошла под лентой, натянула перчатки. Руки у неё были тонкие, но крепкие — от многолетней привычки сжимать руль, ручку, чужое запястье. Она присела рядом с телом.

Мужчина лежал лицом вниз, в куртке — серой, болоневой, обычной. Волосы короткие, с проседью. Обувь — ботинки, начищенные. Не гаражный охотник, не алкаш. Человек, который собирался куда-то идти и дошёл.

— Перевернём, — сказала она.

Северов и патрульный аккуратно перевернули тело. Лицо было спокойное — не искривлённое, не синее. Глаза закрыты. Можно было подумать, что человек уснул, если бы не одно: на шее, чуть левее кадыка, виднелась тонкая линия — будто кто-то провёл карандашом. Марина наклонилась ближе. Не карандаш. Лигатура. Что-то тонкое, крепкое. Леска? Провод?

— Смотри, — сказал Северов. Он указал на руку. В правой ладони жертвы, между указательным и большим пальцем, зажато что-то маленькое. Марина разжала пальцы — осторожно, чтобы не повредить.

Пуговица. Тёмно-синяя, с крошечным сколом по краю. Металлическая, не пластиковая. На обратной стороне — выгравирована крошечная надпись. Марина поднесла к фонарю.

«Управа».

Она выпрямилась, положила пуговицу в пакетик для улики и посмотрела на Северова.

— Это не ограбление, — сказала она.

— А что это?

— Это подпись.

Северов не ответил. Он стоял, засунув руки в карманы, и смотрел на тело. Потом повернулся, сплюнул в бурьян и тихо сказал:

— Чувствую, Марин, это у нас надолго.

Эксперт-криминалист Илья Громов приехал через сорок минут — не потому что далеко, а потому что в Петербурге в час пик даже по направлению к Фарфоровской постоять можно минут двадцать. Громов был худой, в очках, и говорил так, будто каждое слово экономил.

— Тело ещё тёплое, — сказал он, трогая шею. — Часа три-четыре. Лигатура — скорее всего, рыболовная леска, ноль-четыре или ноль-пять. Тонкая, режущая. Но смерть наступила не от удушения.

— А от чего? — Марина присела рядом.

— От этого. — Громов указал на шею. — Леска не просто сдавила. Она перерезала. Быстро, одним движением. Кто бы это ни сделал, он знал, куда бить.

— Хирург?

— Или рыбак. Или кто-то, кто работал с леской много лет.

Марина посмотрела на руки жертвы. Мозоли на правой ладони — от рукояти, не от лопаты. На указательном пальце — старый шрам, тонкий, почти незаметный. Она сделала мысленную заметку.

— Пуговица? — спросил Громов.

— Заметил?

— Трудно не заметить. Синяя, с гравировкой. Я таких давно не видел.

— Что значит «давно не видел»?

Громов снял очки, протёр, надел обратно.

— Такие пуговицы были на форменных куртках — комендантская служба, дворники-дружинники, что-то муниципальное. Лет пятнадцать назад их отменили. Заменяли на пластиковые. Но эти — металлические, старого образца.

— То есть убийца носит старую форму?

— Или хранит. Или коллекционирует. — Громов пожал плечами. — Я тебе не профайлер, Марин. Я факты говорю.

К десяти вечера тело увезли, тропинку перекрыли, а Марина сидела в машине и смотрела на пустырь через лобовое стекло. Дворник, который нашёл тело, — Алексей Петрович, шестьдесят два года, собака такса по кличке Рита — сидел на заднем сиденье патрульной машины и курил, ему было сказано не курить. Марина не стала его останавливать. Человек только что увидел мертвеца — пусть курит.

Она открыла блокнот. Записала:

Мужчина, ~45

Леска 0.4–0.5, перерезала сонную артерию?

Пуговица, синяя, мет. «Управа» — 15+ лет

В руке — зажал сам или вложили?

Ботинки начищенные — шёл куда-то конкретно

Последний пункт её зацепил. Человек с начищенными ботинками, одетый для выхода в город, не пошёл бы гулять по пустырю за гаражами в девять вечера. Значит, его туда привели. Или привезли. Или он шёл с кем-то, кому доверял.

Она закрыла блокнот и посмотрела на Северова.

— Завтра утром — в морг, к Фёдоровой. И поднимай все заявления за месяц: пропавшие, неявики. Кто-то должен был его искать.

— А если нет?

— Тогда хуже. Значит, его никто не ждал. А маньяк это знает.

Северов завёл машину. Они поехали по Софийской в сторону центра. Фонари качались на ветру, бросая на дорогу полосы света, похожие на штрих-код.

Той ночью Марина не спала. Не потому что не могла — потому что не хотела. Она сидела на кухне в своей квартире на Васильевском, пила холодный чай и держала на столе, на белой салфетке, фотографию пуговицы, которую сделала телефоном. Тёмно-синяя, с сколом. Выгравленное слово «Управа».

Она думала: зачем вкладывать пуговицу в руку жертве? Это не трофей — трофей убийца забирает с собой. Это послание. Но кому? Следствию? Жертве? Себе?

Марина допила чай, встала и подошла к окну. За стеклом — тёмная вода Крюкова канала, редкие огни на другом берегу, и где-то вдалеке — гудок проходящего по мосту трамвая. Город спал. Или делал вид, что спал.

Она знала это ощущение. Петербург умеет притворяться тихим, но под гранитом всегда что-то течёт. И иногда — кто-то ждёт.

Глава 2. Морг

Морг на 2-й Софийской — здание, которое петербуржцы стараются не замечать. Низкое, жёлтое, с облупившимися стенами и узкими окнами, заложенными кирпичом наполовину. Стоит чуть в стороне от дороги, за больничным корпусом, и если не знать, что это морг, можно подумать: склад. Чиновники так и проектировали — чтобы не смущать. Как будто мёртвых достаточно спрятать за забором, и они перестанут существовать.

Марина пришла в восемь утра. Северов ждал у входа, куря и привалившись к стене. Со вчерашнего вечера он не менялся — та же куртка, тот же взгляд, только под глазами залегли тени, словно кто-то провёл по ним углем.

— Фёдорова уже внутри?

— С шести. Сказала — приходите к восьми, не раньше. Я пришёл к семи. Она сказала — к восьми. Не раньше.

— Понятно.

Анна Фёдорова — патологоанатом с двадцатилетним стажем, женщина, которая разговаривала с мёртвыми профессионально, а с живыми — с явным усилием. Марина работала с ней три раза и каждый раз выходила с ощущением, что Фёдорова знает о мире больше, чем следует одному человеку.

Они вошли. В коридоре пахло формалином и чем-то ещё — не запахом, а ощущением: холод, который забирался под одежду и сидел там, как нелюбимый гость. Стены были выкрашены в бледно-зелёный, и краска на них пузырилась, словно кожа, которая тоже хотела отслоиться.

Фёдорова стояла в операционной, в халате и перчатках, склонившись над столом. Услышав шаги, не подняла головы.

— Закройте дверь. Плотно.

Марина закрыла. Северов остался у входа — он не любил морги, хотя никогда в этом не признавался. Марина знала по тому, как он начинал переминаться с ноги на ногу, точно школьник перед кабинетом директора.

Фёдорова выпрямилась. Тело жертвы лежало на столе — бледное, с восковым отливом, и без одежды казалось ещё более незащищённым, чем вчера на пустыре. Глаза были прикрыты белой тканью.

— Ну, — сказала Фёдорова, — смотрите.

Она сняла ткань с шеи. Марина наклонилась. При свете операционных ламп разрез был виден отчётливо: тонкая, почти хирургическая линия, чуть левее середины шеи. Края — чистые, ровные. Ни рваных, ни зазубренных. Одно движение.

— Леска, — подтвердила Фёдорова. — Ноль-четыре. Я вытащила фрагмент — около сорока сантиметров. Обрезана с обоих концов. Ножницами, не ножом. Концы ровные.

— Леска для поводков? — спросила Марина.

— Или для зимней ловли. Ноль-четыре — это окунь, щука. Не самая тонкая, не самая толстая. Золотая середина. Человек, который это сделал, знает, как она режет. Леска под натяжением — как бритва. Если знать, как тянуть.

— Можно научиться по видео?

Фёдорова посмотрела на неё поверх маски.

— Можно научиться по видео стричь волосы. Это не значит, что вы станете парикмахером. Нет. Этот человек делал это не в первый раз.

Марина почувствовала, как в животе что-то сжалось. Она сделала вид, что ничего, но Фёдорова заметила — та всегда замечала.

— Что ещё? — спросила Марина.

Фёдорова сняла перчатки, бросила в лоток, надела новые. Движения — точные, размеренные, как у хирурга.

— На руках — мозоли, как вы уже видели. Правая рука. Но не от рукояти. От инструмента. Что-то вроде плоскогубцев или кусачек. Работа с металлом. Может быть, электромонтёр, может — слесарь. На левом запястье — старый перелом, лет десять назад, сросшийся неправильно. На безымянном пальце левой руки — кольцевой след. Бледный, но заметный. Носил кольцо. Давно не носит.

— Развод?

— Или вдовец. Или снял по другой причине. Я не психолог, Марин. Я трупы смотрю.

— Токсикология?

— Взял образцы. Результат через два-три дня. Но сразу скажу: в крови — следы пропофолла. Небольшая доза. Не смертельная. Достаточная, чтобы человек потерял сознание.

— Пропофол? — Северов подался вперёд от двери. — Это же наркоз. Его просто так в аптеке не купишь.

— Верно. — Фёдорова кивнула. — Это рецептурный препарат. Используется в анестезиологии. Значит, у вашего убийцы есть доступ. Либо он медик, либо — знает медика.

Тишина в операционной стала другой. Не холодной, а плотной, как вата.

Марина смотрела на тело и думала. Пропофол — это не уличная импровизация. Это подготовка. Это план. Человек, который достал рецептурный наркоз, выбрал жертву, усыпил её, аккуратно перерезал горло леской и вложил в руку пуговицу. Каждый шаг — продуман.

— Что с пуговицей? — спросила она.

— Я её не трогала. Вы её забрали. Но скажу одно: она была вложена в руку после смерти. Пальцы уже не сжимали. Если бы он зажал её при жизни, следы были бы другими — хват глубже, мозоли от давления. А тут — мягкий хват. Кто-то разжал ему пальцы, положил пуговицу и сомкнул.

— Аккуратно?

— Очень. — Фёдорова впервые за весь разговор посмотрела Марине в глаза. — Как будто укладывал ребёнка спать.

Они вышли из морга в серое петербургское утро. Дождь кончился, но воздух был насыщен влагой, и дышать было тяжело, как через мокрую ткань.

Северов закурил сразу — не дойдя до машины.

— Пропофол, — сказал он. — Это сужает круг.

— Не обязательно. — Марина прислонилась к капоту. — Пропофол крадут. Из больниц, из клиник, из машин скорой помощи. Достать его — вопрос связей, а не профессии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.